

The background of the entire cover is an abstract painting. It features thick, expressive brushstrokes in a palette of muted greens, blues, greys, and earthy browns. The composition is layered and textured, with some areas appearing more defined than others, creating a sense of depth and movement. The overall mood is somber and contemplative.

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Ищу человека

18+

АЗБУКА-КЛАССИКА

Сергей Донатович Довлатов

Ищу человека (сборник)

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26344955

Ищу человека : рассказы: Азбука, Азбука-Аттикус; Москва; 2017

ISBN 978-5-389-14007-3

Аннотация

Сергей Довлатов – один из самых популярных и читаемых русских писателей конца XX – начала XXI века. Его повести, рассказы, записные книжки переведены на множество языков, экранизированы, изучаются в школе и вузах. Удивительно смешная и одновременно пронзительно-печальная проза Довлатова давно стала классикой и роднит писателя с такими мастерами трагикомической прозы, как А. Чехов, Тэффи, А. Аверченко, М. Зощенко.

Настоящее издание включает в себя ранние и поздние произведения, рассказы разных лет, сентиментальный детектив и тексты из задуманных, но так и не осуществленных книг.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Ищу человека	5
В гору	30
Чья-то смерть	77
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Довлатов

Ищу человека (сборник)

© С. Довлатов (наследники), 2017

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ищу человека

Четыре года спустя на лице журналистки Агаповой появится глубокий шрам от удара металлической рейсшиной. На нее с безумным воплем кинется архитектор-самоучка Дегтяренко, герой публицистической радиопередачи «Ясность», так и не запущенной в эфир. За шесть недель до этой безобразной сцены журналистке впервые расскажут о проекте «Мобиле кооперато» и его гениальном творце, чернорабочем одной из таллинских фабрик. Агапова напишет очерк под рубрикой «Встреча с интересным человеком». Технический отдел затребует чертежи. Эксперт Чубаров минуту подержит в холеных руках две грязные трепещущие кальки и выскажется следующим образом:

– Оригинально! Весьма оригинально!

Журналистка с облегчением и гордостью воскликнет:

– У него четыре класса образования!

– А у вас? – брезгливо поинтересуется эксперт. – Вы знаете, что это такое?

– Мобиле кооперато. Подвижный дом. Жилище будущего...

– Это вагон, – прервет ее Чубаров, – обыкновенный вагон. А вашего Ле Корбюзье нужно срочно госпитализировать...

Передачу тут же забракуют. Обнадеженный было Дегтяренко ударит Лиду металлической рейсшиной по голове. Ка-

рьера внештатной сотрудницы Таллинского радио надолго прервется... Все это произойдет четыре года спустя. А пока мы следуем за ней к трамвайной остановке.

До этого было пасмурное утро, еще раньше – ночь. Сонный голубь бродил по карнизу, царапая жесь. Затем – будильник, остывшие шлепанцы, толчая возле уборной, чай, покоробившийся влажный сыр, гудение электробритвы – муж спешит на работу. Дочь: «Я, кажется, просила не трогать мой халат!»... И наконец – прохлада равнодушных улиц, ветер, цинковые лужи, болонки в сквере, гроыхание трамвая...

Попробую ее изобразить. Хотя внешность Агаповой существенного значения не имеет.

Резиновые импортные боты. Тяжелая коричневая юбка не подчеркивает шага. Синтетическая курточка на молнии – шуршит. Кепка с голубым верхом – форменная – таллинского политехника. Лицо решительное, вечно озябшее. Никаких следов косметики. Отсутствующий зуб на краю улыбки. Удивляются только глаза, брови неподвижны, как ленточка финиша...

Следуем за нашей героиней. Трамвайная остановка...

«...Вон как хорошо девчонки молодые одеваются. Пальтишко бросовое, а не наше. Вместо пуговиц какие-то еловые шишки... А ведь смотрится... Или эта, в спецодежде... Васильки на заднице... Походка гордая, как у Лоллобриджиды... А летом как-то раз босую видела... Не пьяную, созна-

тельно босую... В центре города... Идет, фигурирует... Так и у меня, казалось бы, все импортное, народной демократии. А вида нету... И где они берут? С иностранцами гуляют? Позор!.. А смотрится...»

С натугой разъехались двери трамвая. Короткий мучительный штурм. Дорогу ей загородила широкая армейская спина. Щекой – по ворсистой удушливой ткани... Ухватилась за поручень. Мелькнула жизнь в никелированной трубе...

– Копеечку не опускайте...

Лида балансирует над металлическим ящиком-кассой.

– Да проходите же, стоит как неродная...

Главное, не раздражаться, относиться с юмором. Час пик, обычное явление. Тут главное – найти источник положительных эмоций. Вон бабке место уступили. Студент конспекты перелистывает. Даже у военного приличное лицо...

И снова – улица, машины, люди, приятная, волнующая безучастность людей и машин. Затем – вестибюль, широкая мраморная лестница, ковровые дорожки, потертые на сгибах... Табличка – «Отдел пропаганды».

Лида постучала и вошла. Все ужасно ей обрадовались. Кулешов сказал очередную пошлость. Верочка Котова улыбнулась, не поднимая глаз. Женя Тюрин помог раздеться. Моралевич спросил:

– Ты слушала в четверг? Сам Юрна тобой доволен.

– Правда?!

Тут же курил и Валя Чмутов, хронический неудачник. Чмутов был актером. Имел природный дар – красивый низкий голос удивительного тембра. Работал диктором. Шесть месяцев назад с ним произошла трагическая история. Чмутов должен был рано утром открыть передачу, которая шла непосредственно в эфир. Произнести всего несколько слов: «Дорогие радиослушатели! В эфире еженедельная программа „Здравствуй, товарищ!“». И все. Дальше – музыка и запись. Чмутов получает свои одиннадцать рублей.

Чмутов зашел в рубку. Сел. Придвинул микрофон. Мысленно повторил текст. Подвернул манжеты, чтобы запонки не брякали по столу. Ждал, когда загорится лампочка – «Эфир». На душе после вчерашнего было тоскливо. Лампочка не загоралась.

– Дорогие радиослушатели! – задумчиво произнес Чмутов.

Тяжело ворочался обожженный портвейном язык. Лампочка не загоралась.

– Дорогие радиослушатели, – снова повторил Чмутов, – о, мерзость... Дорогие радиослушатели... Да, напрасно я вчера завелся...

Лампочка не загоралась. Как выяснилось, она перегорела... Это бывает раз в сто лет...

– В эфире еженедельная программа, – репетировал Чмутов, – ну, бля, все, завязываю...

За стеклом мелькнула перекошенная физиономия редак-

тора. Чмутов обмер. Распахнулась дверь. Упирающегося диктора выбросили на лестницу. Его похмельные заклинания разнеслись на весь мир. Актер был уволен... История не кончается.

Чмутов уехал во Псков. Поступил диктором на радио. Местная радиотрансляция велась ежедневно часа полтора. Остальное время занимали Москва и Ленинград. Чмутов блаженствовал. Его ценили как столичного мастера.

Как-то раз он вел передачу. Неожиданно скрипнула дверь. Вошла большая коричневая собака. (Чья? Откуда?) Чмутов ее осторожно погладил. Собака прижала уши и зажмурилась. Нос ее сиял крошечной боксерской перчаткой.

– Труженики села рапортуют, – произнес Чмутов.

И тут собака неожиданно залаяла. Может быть, от счастья. Лаской ее, видимо, не избаловали.

– Труженики села рапортуют... Гав! Гав! Гав!

Чмутова снова уволили. Теперь уже навсегда и отовсюду. Когда он рассказал о собаке, ему не поверили. Решили, что он сам залаял с похмелья.

Чмутов уехал в Ленинград. Целыми днями сидел на радио. Ждал своего часа...

Неудачников все избегают. Лида ему улыбнулась.

В отделе пропаганды Агапова сотрудничала давно. Все ее любили. Вот и теперь заведующая Нина Игнатьевна ласково ей кивнула:

– Лидочка, пройдите ко мне.

В кабинете тишина, полированный стол, бесчисленные авторучки. В шкафах за стеклами мерцают сувениры и корешки энциклопедии. В столе у Нины Игнатьевны – помада, зеркальце и тушь. И вообще приятно – интересная молодая женщина в таком серьезном кабинете...

– Лидочка, я хочу вам новую рубрику предложить. «Встреча с интересным человеком». Причем необязательно с ученым или космонавтом. Диапазон тут исключительно широкий. Почетное хобби, неожиданное увлечение, какой-нибудь штрих в биографии. Допустим, скромный номенклатурный главбух тайно... я не знаю... все, что угодно... не приходит в голову... Допустим, он тайно...

– Растлеваются малолетних, – подсказала Лида.

– Я другое имела в виду. Допустим, он тайно...

– Изучает санскрит...

– Что-то в этом духе. Только более значимое в социальном отношении. Допустим, милиционер помогает кому-то отыскать близкого человека...

– Есть кино на эту тему.

– Я не могу предложить вам что-то конкретное. Тут надо подумать. Вот, к примеру. На фабрике «Калев» проходили съемки «Одинокой женщины». Помните, с артисткой Дорожиной. Так вот, мальчишка, который участвовал в съемках, превратился в начальника одного из цехов.

– Мне нравится эта тема, – сказала Лида, – я ее чувствую.

– Эту тему уже использовал Арвид Кийск. Я говорю – в

принципе. Надо придумать что-то свое. Допустим, старый генерал ложится на операцию. И узнает в хирурге своего бывшего денщика...

– Как фамилия? – спросила Лида.

– Чья?

– Как фамилия этого генерала? Или денщика?

– Я говорю условно... Тут главное – неожиданность, загадка, случай... Многоплановая жизнь... Снаружи одно, внутри другое...

– Это у многих так, – вздохнула Лида.

– Короче – действуйте, – сказала Нина Игнатьевна, едва заметно раздражаясь.

Лидочка вышла из кабинета.

Интересные люди окружали ее с детства. Отец был знаком с Эренбургом. Учитель рисования в школе слыл непризнанным гением. Потом за ней ухаживал бандит и даже написал стихи. Институтские профессора удивляли своими чудачествами. У одного была вечно расстегнута ширинка. Интересным человеком был ее муж: старший экономист, а пишет с ошибками. Дочь казалась загадочной – всегда молчит. А последнее время до такой степени, что Лида решила, не беременна ли... Монтера из домоуправления вызвали, оказывается – сидел чуть ли не за убийство. Короче, все люди интересные, если разобраться...

По образованию Лидочка была врачом-гигиенистом. Начала перебирать бывших однокурсников. Павинский, Ро-

жин, Янкелевич, Феофанов... Мищенко, кажется, спортом занимался. Левин в науку ушел... Левин, Борька Левин, профессор, умница, доктор наук... Говорят, был во Франции...

Агапова достала блокнот и записала на чистой странице – Левин.

Стала перебирать знакомых мужа. Тоже, конечно, интересные люди. Экономисты. Калинин, например, утверждает, что безработица – стимул прогресса. А то все знают, что их не уволят. А если и уволят, то не беда. Перейдет через дорогу и устроится на соседний завод. То есть можно прогуливать, злоупотреблять... Калинин вряд ли подойдет. Уж слишком прогрессивный... А Меркин тот вообще. Его спрашивают, что может резко поднять нашу экономику? Отвечает – война. Война, и только война. Война – это дисциплина, подъем сознательности. Война любые недостатки спишет... Думаю, что и Меркин не подойдет... А вот приходил на днях один филолог со знакомой журналисткой... Или даже, кажется, переводчик. Служил, говорит, надзирателем в конвойных частях... Жуткие истории рассказывал... Фамилия нерусская – Алиханов. Бесспорно, интересный человек...

Так рядом с Левиным в блокноте появился Алиханов.

Еще бы третьего кандидата найти. И тут Лида вспомнила, что у соседей остановился родственник из Порхова. Или знакомый. Что-то Милка Осинская во дворе говорила. Какая-то у него судьба загадочная. То ли был репрессирован, то ли наоборот... Начальник из провинции – это любопытно.

Это можно как-нибудь оригинально повернуть. «Нет географической провинции, есть провинция духовная...»

Так рядом с Алихановым и Левиным появился вопросительный знак. И в скобках – родственник Милки О.

Можно еще в резерве оставить начитанного домуправа. Сименоном интересовался. Но у Лиды с ним конфликт из-за вечно переполненных мусорных баков... Ладно... Надо браться за дело!..

– До свидания, Верочка, мальчики!

– Агапова, не пропадай!..

Позвонила Борьке Левину в клинику. Узнал, обрадовался, договорились на час.

Бывший надзиратель оказался дома.

– Приезжайте, – сказал он, – и если можно, купите три бутылки пива. Деньги сразу же верну.

Лида зашла в гастроном на улице Карья, купила пиво. Дома в районе новостроек: от подъезда до подъезда – километр...

Алиханов встретил ее на пороге. Это был огромный молодой человек с низким лбом и вялым подбородком. В глазах его мерцало что-то фальшиво неаполитанское. Затеял какой-то несуразный безграмотный возглас и окончить его не сумел:

– Чем я обязан, Лидочка, тем попутным ветром, коего... коего... Достали пиво? Умница. Раздевайтесь. У меня чудовищный беспорядок.

Комната производила страшное впечатление. Диван, заваленный бумагами и пеплом. Стол, невидимый под грудой книг. Черный остов довоенной пишущей машинки. Какой-то ржавый ятаган на стене. Немытая посуда и багровый осадок в фужерах. Тусклые лезвия селедок на клочке газетной бумаги...

– Идите сюда. Тут более-менее чисто.

Надзиратель откупорил пиво.

– Да, колоритно у вас, – сказала Лида. – Я ведь по образованию гигиенист.

– Меня за антисанитарию к товарищескому суду привлекали.

– Чем же это кончилось?

– Ничем. Я на мятежный дух закашивал. Поэт, мол, йог, буддист, живу в дерьме... Хотите пива?

– Я не пью.

– Вот деньги. Рубль одиннадцать.

– Какая ерунда, – сказала Лида.

– Нет, извините, – громко возмутился Алиханов.

Лида сунула горсть мелочи в карман. Надзиратель ловко выпил бутылку пива из горлышка.

– Полегче стало, – доверительно высказался он. Затем попытался еще раз, теперь уже штурмом осилить громоздкую фразу: – Чем я обязан, можно сказать, тому неожиданному удовольствию, коего...

– Вы филолог? – спросила Агапова.

– Точнее – лингвист. Я занимаюсь проблемой фонематичности русского «Щ»...

– Есть такая проблема?

– Одна из наиболее животрепещущих... Слушайте, что произошло? Чем я обязан неожиданному удовольствию лицезреть?..

Надзиратель опрокинул вторую бутылку.

– Мы готовим радиопередачу «Встреча с интересным человеком». Необходим герой с оригинальной биографией. Вы филолог. Точнее – лингвист. Бывший надзиратель. Человек многоплановой жизни... У вас многоплановая жизнь?

– Последнее время – да, – честно ответил надзиратель.

– Расскажите поподробнее о ваших филологических исследованиях. Желательно в доступной форме.

– Я вам лучше дам свой реферат. Что-то я плохо соображаю. Где-то здесь. Сейчас найду...

Алиханов метнулся к напластованиям бумаги.

– В другой раз, – успокоила Лида. – Мы, очевидно, еще встретимся. Это у нас предварительная беседа. Мне хочется спросить. Вы были надзирателем, это опасно, рискованно?

Алиханов неохотно задумался.

– Риск, конечно, был. Много водки пили. Лосьоном не брезговали. На сердце отражается...

– Я имела в виду заключенных. Ведь это страшные люди. Ничего святого...

– Люди как люди, – сказал Алиханов, откупоривая третью

бутылку.

– Я много читала. Это особый мир... Свои законы... Необходимо мужество... Вы мужественный человек?

Алиханов вконец растерялся.

– Люба, – сказал он.

– Лида.

– Лида! – почти закричал Алиханов. – Я сейчас достану шесть рублей. У меня гуманные соседи. Возьмем полбанки и сухого. Что-то я плохо соображаю.

– Я не пью. Вы мужественный человек?

– Не знаю. Раньше мог два литра выпить. А теперь от семисот граммов балдею... Возраст...

– Вы не понимаете. Мне нужен оригинальный человек, интересная личность. Вы филолог, тонко чувствующий индивидуум. А раньше были надзирателем. Ежедневно шли на риск. Душевная тонкость очень часто сопутствует физической грубости...

– Когда я вам грубил?

– Не мне. Вы охраняли заключенных...

– Мы больше себя охраняли.

– Откуда у вас этот шрам? Не скромничайте, пожалуйста... ста...

– Это не шрам, – воскликнул Алиханов, – это фурункул. Я расчесал... Извините меня...

– Я все-таки хочу знать, что вы испытывали на Севере? Фигурально выражаясь, о чем молчала тундра?

– Что?

– О чем молчала тундра?

– Лида! – дико крикнул Алиханов. – Я больше не могу!

Я не гожусь для радиопередачи! Я вчера напился! У меня долги и алименты! Меня упоминала «Немецкая волна»! Я некоторым образом – диссидент! Вас уволят... Отпустите меня...

Лида завинтила колпачок авторучки.

– Жаль, – сказала она, – материал интересный. Будьте здоровы. Я вам позвоню. А вы пока отыщите свой реферат...

Надзиратель стоял обессиленный и бледный.

– Минутку, – сказал он, – я тоже иду. У меня гуманные соседи...

На площадке они расстались. Лида зашагала вниз. Алиханов взлетел на четвертый этаж...

Левин обнял ее и долго разглядывал.

– Да, – сказал он, – годы идут, годы идут...

– Постарела?

– Как тебе сказать... Оформилась.

– А ты обрюзг. Позор. Галина дома?

– На собрании в школе. Хулиган у нас растет... Толстею, говоришь? Жена советует: «Тебе надо бегать по утрам». А я отвечаю: «Если побегу, то уже не вернусь...» Кофе хочешь? Раздевайся...

– Только после вас, доктор, – вспомнила Лида какую-то старую шутку.

Они прошли в гостиную. Торшер с прожженным абажуром. Иностранные журналы на подоконнике.

– Хорошо у тебя, – сказала Лида, – в новых квартирах жутко делается. Все полированное, сплошной хрусталь...

– Хрусталь и у меня есть, – похвастал Левин.

– Где?

– В ломбарде.

– По-прежнему канцерогенами занимаешься?

– По-прежнему.

– Расскажи.

– Минуточку, чайник поставлю.

– Жду...

Лида вынула записную книжку, авторучку и сигареты «БТ».

Левин вернулся. Они закурили.

– Ты во Франции был?

– Две недели.

– Ну и как?

– Нормально.

– А конкретнее?

– Трудолюбивый народ, реакционная буржуазия, экономический кризис, обнищание масс...

– Ты по-человечески расскажи. Хорошо французы к нам относятся?

– А черт их знает. Настроение у всех хорошее.

– Как насчет благосостояния? Как тебе француженки, по-

направились?

– Благосостояние нормальное. Кормили хорошо. У меня был третий стол. Вино, цыплята, кофе, сливки... Девушки замечательные. Вернее, так, либо уродина, либо красотка. Тут дело в косметике, я полагаю. Косметика достоинства подчеркивает, а недостатки утрирует... Держатся свободно, непосредственно. У них такие белые синтетические халаты, декоративные...

– Что значит – белые халаты? Ты в клинике работал?

– Я не работал. Я дизентерией в Ницце заболел. День прогулял и слег.

– Значит, Франции практически не видел?

– Почему? У нас был цветной телевизор.

– Не повезло тебе.

– Зато я отдохнул.

– Привез что-нибудь интересное? Сувениры, тряпки?

– Слушай, – оживился Левин, – я уникальную вещь привез. Только отнесись без ханжества. Ты же врач. Сейчас до стану. Я его от Вовки прячу.

– Что ты имеешь в виду?

– Лидка, я член привез. Каучуковый член филигранной работы. Ей-богу. Куда же он девался? Видно, Галка перепрятала...

– Зачем это тебе?

– Как зачем? Это произведение искусства. Клянусь. И Галке нравится.

– Как таможенники не отобрали?

– Я же не в руках его тащил, я спрятал.

– Куда? Ведь не иголка...

– Я одну даму попросил из нашей лаборатории. Женщин менее тщательно обыскивают. И возможностей у них больше. Физиология более... укромная...

– Ты как ребенок. Поговорим лучше о деле.

– Сейчас я кофе принесу.

На столе появились конфеты, вафли и лимон.

– Сгущенное молоко принести?

– Нет. Рассказывай.

– Чего рассказывать? Я занимаюсь моделированием химических реакций. Одно время исследовал канцерогенез асбестовой пыли...

– Ты мне скажи, рак излечим?

– Рак кожи – да.

– А рак желудка, например?

– Лидочка, полный хаос в этом деле. Миллиграмм канцерогена убивает лошадь. У любого взрослого человека на пальце этих самых канцерогенов – табун отравить можно. А я вот курю и тем не менее – жив... Дым, в свою очередь, тоже... Не записывай. Рак – щекотливая тема. Запретят твою передачу.

– Не думаю.

– Что, я с журналистами дела не имел?! Обратись к терапевту, у них благодать. Соцобязательства каждый месяц бе-

рут... Ты позвони в свою контору, согласуй.

Агапова позвонила Нине Игнатьевне. Та перепугалась.

– Лидочка, рак – слишком печально. Порождает отрицательные эмоции. Ассоциируется с небезызвестным романом. Мы ждем чего-нибудь светлого...

– Рак – это проблема номер один.

– Лидочка, не упрямитесь. Есть негласное распоряжение.

– Что ж, – вздохнула Лида, – извините...

– Куда ты? – удивился Левин. – Посиди.

– Я, в общем-то, по делу зашла.

– Мы семь лет не виделись. Скоро Галка придет, выпьем чего-нибудь.

– Ты уж прости, не хотелось бы мне ее видеть.

Левин молчал.

– Ты счастлив, Боря?

Левин снял очки. Теперь он был похож на второгодника.

– Какое там счастье! Живу, работаю. Галка, я согласен, трудный человек. Есть в ней что-то безжизненное. Володя – хам, начитанный, развитый хам. Я все-таки доктор наук, профессор. А он говорит мне вчера: «У тебя комплекс неполноценности...»

– Но ведь ты ученый, служишь людям. Ты должен гордиться...

– Брось, Лида. Я служу Галине и этому засранцу.

– Ты просто не в форме.

Лида уже стояла на площадке.

– А помнишь, как в Новгород ездили? – спросил Левин.

– Боря, замолчи сейчас же. Все к лучшему. Ну, я пошла.

И она пошла вниз, на ходу раскрывая зонтик. Щелчок – и над головой ее утвердился пестрый, чуть вибрирующий купол.

– А как мы дыни воровали?! – закричал он в лестничный пролет...

К этому времени стемнело. В лужах плавали акварельные неоновые огни. Бледные лица прохожих казались отрезанными. Из-за поворота, качнувшись, выехал наполненный светом трамвай. Лида опустилась на деревянную скамью. Сложила зонтик. В черном стекле напротив отражалось ее усталое лицо. Кому-то протянула деньги, ей сунули билет. Всю дорогу она спала и проснулась с головной болью. К дому шла медленно, ступая в лужи. Хорошо, догадалась надеть резиновые чешские боты...

Осинские жили в соседнем подъезде. Аркадий – тренер, вечно шутит. На груди у него, под замшевой курткой, блестит секундомер. Милка где-то химию преподает.

Сын – таинственная личность. Шесть лет уклоняется от воинской повинности. Шесть лет симулирует попеременно – невроты, язву желудка и хронический артрит. Превзошел легендарного революционера Камо. За эти годы действительно стал нервным, испортил желудок и приобрел хронический артрит. Что касается медицинских знаний, то Игорь давно

оставил позади любого участкового врача. Кроме того, разбирается в джазе и свободно говорит по-английски...

В общем, человек довольно интересный, только не работает...

Лида поднялась на третий этаж. Ей вдруг неудержимо захотелось домой. Прогоняя эту мысль, нажала кнопку. Глухо залаял Милорд.

– Входи, – обрадовалась Мила Осинская, – Игорь где-то шляется. Арик на сборах в Мацесте. Познакомься, это Владимир Иванович.

Навстречу ей поднялся грузный человек лет шестидесяти. Протянул руку, назвался. С достоинством разлил коньяк. Мила включила телевизор.

– Хочешь борща?

– Нет. Я, как ни странно, выпью.

– За все хорошее, – дружелюбно произнес Владимир Иванович.

Это был широкоплечий, здоровый мужчина в красивом тонком джемпере. Лицо умеренно, но регулярно выпивающего человека. В кино так изображают отставных полковников. Прочный лоб, обыденные светлые глаза, золотые коронки.

Чокнулись, выпили.

– Ну, беседуйте, – сказала хозяйка, – а я к Воробьевым зайду на десять минут. Мне Рита кофту вяжет...

И ушла.

– Я, в общем-то, по делу, – сказала Лида.

– К вашим услугам.

– Мы готовим радиопередачу «Встреча с интересным человеком». Людмила Сергеевна кое-что о вас рассказывала... И я подумала... Мне кажется, вы интересный человек...

– Человек я самый обыкновенный, – произнес Владимир Иванович, – хотя не скрою, работу люблю и в коллективе меня уважают...

– Где вы работаете? – Лида достала блокнот.

– В Порхове имеется филиал «Красной зари». Создаем координатные АТС. Цех большой, ведущий. По итогам второго квартала добились серьезных успехов...

– Вам не скучно?

– Не понял.

– Не скучно в провинции?

– Город наш растет, благоустраивается. Новый Дом культуры, стадион, жилые массивы... Записали?

Владимир Иванович наклонил бутылку. Лида отрицательно покачала головой. Он выпил. Подцепил ускользящий маринованный гриб.

Лида, выждав, продолжала:

– Я думаю, можно быть провинциалом в столице и столичным жителем в тундре.

– Совершенно верно.

– То есть провинция – явление духовное, а не географическое.

– Вот именно. Причем снабжение у нас хорошее: мясо, рыба, овощи...

– Гастролируют столичные творческие коллективы?

– Разумеется, вплоть до Магомаева.

Владимир Иванович снова налил.

– Вы, наверное, много читаете? – спросила Лида.

– Как же без этого. Симонова уважаю. Ананьева, военные мемуары, естественно – классику: Пушкина, Лермонтова, Толстого... Последних, как известно, было три... В молодости стихи писал...

– Это интересно.

– Дай бог памяти. Вот, например... Владимир Иванович откинулся на спинку кресла:

Каждый стремится у нас быть героем,
Дружно шагаем в строю,
Именем Сталина землю покроем,
Счастье добудем в бою...

Лида подавила разочарование.

– Трудно быть начальником цеха?

– Прямо скажу – нелегко. Тут и производственный фактор, и моральный... План, текучесть, микроклимат, отрицаловка... А главное, требовательный народ пошел. Права свои знает. Дай то, дай это... Обязанностей никаких, а прав до черта... Эх, батьки Сталина нет... Порядок был, порядок... Опоздал на минуту – под суд! А сейчас... Разболтался

народ, разболтался... Сатирики, понимаешь, кругом... Эх, нету батьки...

– Значит, вы одобряете культ личности? – тихо спросила Агапова.

– Культ, культ... Культ есть и будет... Личность нужна, понимаете, личность!

Владимир Иванович разгорячился, опьянел. Теперь он жестикулировал, наваливался и размахивал вилкой.

– Жизнь я нелегкую прожил. Всякое бывало. Низко падал, высоко залетал... Я ведь, между нами, был женат...

– Почему – между нами? – удивилась Лида.

– На племяннице Якира, – шепотом добавил Владимир Иванович.

– Якира? Того самого?

– Ну. Ребенок был у нас. Мальчишка...

– И где они сейчас?

– Не знаю. Потерял из виду. В тридцать девятом году...

Владимир Иванович замолчал, ушел в себя.

Долго Лида ждала, потом, волнуясь, краснея, спросила:

– То есть как это – потерял из виду? Как можно потерять из виду свою жену? Как можно потерять из виду собственного ребенка?

– Время было суровое, Лидочка, грозное, суровое время. Семьи рушились, вековые устои рушились...

– При чем тут вековые устои?! – неожиданно крикнула Лида. – Я не маленькая. И все знаю. Якира арестовали, и вы

подло бросили жену с ребенком. Вы... Вы... Вы – неинтересный человек!

– Я попросил бы, – сказал Владимир Иванович, – я попросил бы... Такими словами не бросаются...

И затем уже более миролюбиво:

– Ведите себя поскромнее, Лидочка, поскромнее, поскромнее...

Милорд приподнял голову.

Лида уже не слушала. Вскочила, сорвала курточку в прихожей и хлопнула дверью.

На лестнице было тихо и холодно. Тенью пронеслась невидимая кошка. Запах жареной рыбы наводил тоску.

Лида спустилась вниз и пошла через двор. Влажные сумерки прятались за гаражами и около мусорных баков. Темнели и поскрипывали ветки убогого сквера. На снегу валялся деревянный конь.

Лида заглянула в почтовый ящик, достала «Экономическую газету». Поднялась и отворила дверь. В комнате мужа гудел телевизор. На вешалке алело Танино демисезонное пальто. Лида разделась, кинула перчатки на зеркальный столик.

В уборную, едва поздоровавшись, скользнул молодой человек. Грязноватые локоны его были перевязаны коричневым сапожным шнурком. Плюшевые брюки ниспадали, как шлейф.

– Татьяна, кто это?

– Допустим, Женя. Мы занимаемся.

– Чем?

– Допустим, немецким языком. Ты что-нибудь имеешь против?

– Проследи, чтобы он вымыл руки, – сказала Лида.

– Как ты любишь все опошлить! – ненавидящим шепотом выговорила дочь...

Лида позвонила мне в час ночи. Ее голос звучал встревоженно и приглушенно:

– Не разбудила?

– Нет, – говорю, – хуже...

– Ты не один?

– Один. С Мариной...

– Ты можешь разговаривать серьезно?

– Разумеется.

– Нет ли у тебя в поле зрения интересного человека?

– Есть. И он тебе кланяется.

– Перестань. Дело очень серьезное. Мне в четверг передачу сдавать.

– О чем?

– Встреча с интересным человеком. Нет ли у тебя подходящей кандидатуры?

– Лида, – взмолился я, – ты же знаешь мое окружение. Сплошные подонки! Позвони Кленскому, у него тесть – инвалид...

– У меня есть предложение. Давай напишем передачу вме-

сте. Заработаешь рублей пятнадцать.

– Я же не пользуюсь магнитофоном.

– Это я беру на себя. Мне нужен твой...

– Цинизм? – подсказал я.

– Твой профессиональный опыт, – деликатно сформулировала Лида.

– Ладно, – сказал я, чтобы отделаться, – позвоню тебе завтра утром. Вернее – сегодня...

– Только обязательно позвони.

– Я же сказал...

Тут Марина не выдержала. Укусила меня за палец.

– До завтра, – сказал (вернее – крикнул) я и положил трубку...

Лида приоткрыла дверь в комнату мужа, залитую голубоватым светом. Вадим лежал на диване в ботинках.

– Могу я наконец поужинать? – спросил он.

Заглянула дочь:

– Мы уходим.

У Тани было хмурое лицо, на котором застыла гримаса вечного противоборства.

– Возвращайся поскорее...

– Могу я наконец чаю выпить? – спросил Вадим.

– Я, между прочим, тоже работаю, – ответила Лида.

И потом, не давая разрастаться ссоре:

– Как ты думаешь, Меркин – интересный человек?..

В гору

У редактора Туронка лопнули штаны на заднице. Они лопнули без напряжения и треска, скорее – разошлись по шву. Таково негативное свойство импортной мягкой фланели.

Около двенадцати Туронок подошел к стойке учрежденческого бара. Люминесцентная голубизна редакторских кальсон явилась достоянием всех холуев, угодливо пропустивших его без очереди.

Сотрудники начали переглядываться.

Я рассказываю эту историю так подробно в силу двух обстоятельств. Во-первых, любое унижение начальства – большая радость для меня. Второе. Прореха на брюках Туронка имела определенное значение в моей судьбе...

Но вернемся к эпизоду у стойки.

Сотрудники начали переглядываться. Кто злорадно, кто сочувственно. Злорадствующие – искренне, сочувствующие – лицемерно. И тут, как всегда, появляется главный холуй, бескорыстный и вдохновенный. Холуй этот до того обожает начальство, что путает его с родиной, эпохой, мирозданием...

Короче, появился Эдик Вагин.

В любой газетной редакции есть человек, который не хочет, не может и не должен писать. И не пишет годами. Все

к этому привыкли и не удивляются. Тем более что журналисты, подобные Вагину, неизменно утомлены и лихорадочно озабочены. Остряк Шаблинский называл это состояние – «вагинальным»...

Вагин постоянно спешил, здоровался отрывисто и нервно. Сперва я простодушно думал, что он – алкоголик. Есть среди бесчисленных модификаций похмелья и такая разновидность. Этакое мучительное бегство от дневного света. Вибрирующая подвижность беглеца, настигаемого муками совести...

Затем я узнал, что Вагин не пьет. А если человек не пьет и не работает – тут есть о чем задуматься.

– Таинственный человек, – говорил я.

– Вагин – стукач, – объяснил мне Быковер, – что в этом таинственного?

...Контора размещалась тогда на улице Пикк. Строго напротив здания Госбезопасности (ул. Пагари, 1). Вагин бывал там ежедневно. Или почти ежедневно. Мы видели из окон, как он переходит улицу.

– У Вагина – свехурочные! – орал Шаблинский...

Впрочем, мы снова отвлеклись.

...Сотрудники начали переглядываться. Вагин мягко тронул редактора за плечо:

– Шеф... Непорядок в одежде...

И тут редактор сплеховал. Он поспешно схватился обеими руками за ширинку. Вернее... Ну, короче, за это место...

Проделал то, что музыканты называют глиссандо. (Легкий пробег вдоль клавиатуры.) Убедился, что граница на замке. Побагровел:

– Найдите вашему юмору лучшее применение.

Развернулся и вышел, обдав подчиненных неоновым сиянием исподнего.

Затем состоялся короткий и весьма таинственный диалог.

К обескураженному Вагину подошел Шаблинский.

– Зря вылез, – сказал он, – так удобнее...

– Кому удобнее? – покосился Вагин.

– Тебе, естественно...

– Что удобнее?

– Да это самое...

– Нет, что удобнее?

– А то...

– Нет, что удобнее? Что удобнее? – раскричался Вагин. –

Пусть скажет!

– Иди ты на хер! – помолчав, сказал Шаблинский.

– То-то же! – восторжествовал стукач...

Вагин был заурядный, неловкий стукач без размаха...

Не успел я его пожалеть, как меня вызвал редактор. Я немного встревожился. Только что подготовил материал на двести строк. Называется – «Папа выше солнца». О выставке детских рисунков. Чего ему надо, спрашивается? Да еще злополучная прореха на штанах. Может, редактор думает, что это я подстроил. Ведь был же подобный случай. Я готовил

развернутую информацию о выставке декоративных собак. Редактор, любитель животных, приехал на казенной машине – взглянуть. И тут началась гроза. Туронок расстроился и говорит:

– С вами невозможно дело иметь...

– То есть как это?

– Вечно какие-то непредвиденные обстоятельства...

Как будто я – Зевс и нарочно подстроил грозу.

...Захожу в кабинет. Редактор прогуливается между гипсовым Лениным и стереоустановкой «Эстония».

Изображение Ленина – обязательная принадлежность всякого номенклатурного кабинета. Я знал единственное исключение, да и то частичное. У меня был приятель Авдеев. Ответственный секретарь молодежной газеты. У него был отец, провинциальный актер из Луганска. Годами играл Ленина в своем драмтеатре. Так Авдеев ловко вышел из положения. Укрепил над столом громадный фотоснимок – папа в роли Ильича. Вроде не придраться – как бы и Ленин, а все-таки – папа...

...Туронок все шагал между бюстом и радиолой. Вижу – прореха на месте. Если можно так выразиться... Если у позора существует законное место...

Наконец редактор приступил:

– Знаете, Довлатов, у вас есть перо!

Молчу, от похвалы не розовею...

– Есть умение видеть, подмечать... Будем откровенны,

культурный уровень русских журналистов в Эстонии, что называется, оставляет желать лучшего. Темпы идейного роста значительно, я бы сказал, опережают темпы культурного роста. Вспомните минувший актив. Кленский не знает, что такое синоним. Толстиков в передовой, заметьте, указывает: «...Коммунисты фабрики должны в ближайшие месяцы ликвидировать это недопустимое статус-кво...» Репецкий озаглавил сельскохозяйственную передовицу: «Яйца на экспорт!»... Как вам это нравится?

– Несколько интимно...

– Короче. Вы обладаете эрудицией, чувством юмора. У вас оригинальный стиль. Не хватает какой-то внутренней собранности, дисциплины... В общем, пора браться за дело. Выходить, как говорится, на простор большой журналистики. Тут есть одно любопытное соображение. Из Пайдеского района сообщают... Некая Пейпс дала рекордное количество молока...

– Пейпс – это корова?

– Пейпс – это доярка. Более того, депутат республиканского Совета. У нее рекордные показатели. Может быть, двести литров, а может быть, две тысячи... Короче – много. Уточните в райкоме. Мы продумали следующую операцию. Доярка обращается с рапортом к товарищу Брежневу. Товарищ Брежнев ей отвечает, это будет согласовано. Нужно составить письмо товарищу Брежневу. Принять участие в церемониях. Отразить их в печати...

– Это же по сельскохозяйственному отделу.

– Поедете спецкором. Такое задание мы не можем доверить любому. Привычные газетные штампы здесь неуместны. Человечинка нужна, вы понимаете? В общем, надо действовать. Получите командировочные, и с богом... Мы дадим телеграмму в райком... И еще. Учтите такое соображение. Подводя итоги редакционного конкурса, жюри будет отдавать предпочтение социально значимым материалам.

– То есть?

– То есть материалам, имеющим общественное значение.

– Разве не все газетные материалы имеют общественное значение?

Туронок поглядел на меня с едва заметным раздражением:

– В какой-то мере – да. Но это может проявляться в большей или меньшей степени.

– Говорят, за исполнение роли Ленина платят больше, чем за Отелло?..

– Возможно. И убежден, что это справедливо. Ведь актер берет на себя громадную ответственность...

...На протяжении всего разговора я испытывал странное ощущение. Что-то в редакторе казалось мне необычным. И тут я осознал, что дело в прорехе. Она как бы уравнила нас. Устранила его номенклатурное превосходство. Поставила на одну доску. Я убедился, что мы похожи. Завербованные немолодые люди в одинаковых (я должен раскрыть

эту маленькую тайну) голубых кальсонах. Я впервые испытал симпатию к Туронку. Я сказал:

– Генрих Францевич, у вас штаны порвались сзади.

Туронкок спокойно подошел к огромному зеркалу, нагнулся, убедился и говорит:

– Голубчик, сделай одолжение... Я дам нитки... У меня в сейфе... Не в службу, а в дружбу... Так, на скорую руку... Не обращаться же мне к Плюхиной...

Валя была редакционной секс-примой. С заученными, как у оперной певицы, фиоритурами в голосе. И с идиотской привычкой кусаться... Впрочем, мы снова отвлеклись...

– ...Не к Плюхиной же обращаться, – сказал редактор.

Вот оно, думаю, твое подсознание.

– Сделайте, голубчик.

– В смысле – зашить?

– На скорую руку.

– Вообще-то, я не умею...

– Да как сумеете.

Короче, зашил я ему брюки. Чего уж там...

Заглянул в лабораторию к Жбанкову.

– Собирайся, – говорю, – пошли.

– Момент, – оживился Жбанков, – иду. Только у меня всего сорок копеек. И Жора должен семьдесят...

– Да я не об этом. Работа есть.

– Работа? – протянул Жбанков.

– Тебе что, деньги не нужны?

– Нужны. Рубля четыре до аванса.

– Редактор предлагает командировку на три дня.

– Куда?

– В Пайде.

– О, воблы купим!

– Я же говорю – поехали.

Звоню по местному Туронку:

– Можно взять Жбанкова?

Редактор задумался:

– Вы и Жбанков – сочетание, прямо скажем, опасное.

Затем он что-то вспомнил и говорит:

– На вашу ответственность. И помните – задание серьезное.

Так я пошел в гору. До этого был подобен советскому рублю. Все его любят, и падать некуда. У доллара все иначе. Забрался на такую высоту и падает, падает...

Путешествие началось оригинально. А именно – Жбанков явился на вокзал совершенно трезвый. Я даже узнал его не сразу. В костюме, печальный такой...

Сели, закурили.

– Ты молодец, – говорю, – в форме.

– Понимаешь, решил тормознуться. А то уже полный завал. Все же семья, дети... Старшему уже четыре годика. Лера была в детском саду, так заведующая его одного и хвалила. Развитый, говорит, сообразительный, энергичный, занимается онанизмом... В батьку пошел... Такой, понимаешь,

клоп, а соображает...

Над головой Жбанкова звякнула корреспондентская сумка – поезд тронулся.

– Как ты думаешь, – спросил Жбанков, – буфет работает?

– У тебя же есть.

– Откуда?

– Только что звякнуло.

– А может, это химикаты?

– Рассказывай...

– Вообще, конечно, есть. Но ты подумай. Мы будем на месте в шесть утра. Захотим опохмелиться. Что делать? Все закрыто. Вакуум. Глас в пустыне...

– Нас же будет встречать секретарь райкома.

– С полбанкой, что ли? Он же не в курсе, что мы за люди.

– А кто тормознуться хотел?

– Я хотел, на время. А тут уже чуть ли не сутки прошли.

Эпоха...

– Буфет-то работает, – говорю.

Мы шли по вагонам. В купейных было тихо. Бурые ковровые дорожки заглушали шаги. В общих приходилось беспрерывно извиняться, шагая через мешки, корзины с яблоками...

Раза два нас без злобы проводили матерком. Жбанков сказал:

– А выражаться, между прочим, необязательно!

Тамбуры гудели от холодного ветра. В переходах, между

тяжелыми дверьми с низкими алюминиевыми ручками, грохот усиливался.

Посетителей в ресторане было немного. У окна сидели два раскрасневшихся майора. Фуражки их лежали на столе. Один возбужденно говорил другому:

– Где линия отсчета, Витя? Необходима линия отсчета. А без линии отсчета, сам понимаешь...

Его собеседник возражал:

– Факт был? Был... А факт – он и есть факт... Перед фактом, как говорится, того...

В углу разместилась еврейская семья. Красивая полная девочка заворачивала в угол скатерти чайную ложку. Мальчик постарше то и дело смотрел на часы. Мать и отец еле слышно переговаривались.

Мы расположились у стойки. Жбанков помолчал, а затем говорит:

– Серж, объясни мне, почему евреев ненавидят? Допустим, они Христа распяли. Это, конечно, зря. Но ведь сколько лет прошло... И потом, смотри. Евреи, евреи... Вагин – русский, Толстиков – русский. А они бы Христа не то что распяли. Они бы его живым съели... Вот бы куда антисемитизм направить. На Толстикова с Вагиным. Я против таких, как они, страшный антисемитизм испытываю. А ты?

– Естественно.

– Вот бы на Толстикова антисемитизмом пойти! И вообще... На всех партийных...

– Да, – говорю, – это бы неплохо... Только не кричи.

– Но притом обрати внимание... Видишь, четверо сидят, не оборачиваясь... Вроде бы натурально сидят, а что-то меня бесит. Наш бы сидел в блевотине – о'кей! Те два мудро-звона у окна разоряются – нормально! А эти тихо сидят, но я почему-то злюсь. Может, потому, что живут хорошо. Так ведь и я бы жил не хуже. Если бы не водяра проклятая. Между прочим, куда хозяева задевались?..

Один майор говорил другому:

– Необходима шкала ценностей, Витя. Истинная шкала ценностей. Плюс точка отсчета. А без шкалы ценностей и точки отсчета, сам посуди...

Другой по-прежнему возражал:

– Есть факт, Коля! А факт – есть факт, как его ни поворачивай. Факт – это реальность, Коля! То есть нечто фактическое...

Девочка со звоном уронила чайную ложку. Родители тихо произнесли что-то укоризненное. Мальчик взглянул на часы...

Возникла буфетчица с локонами цвета половой мастики. За ней – официант с подносом. Обслужил еврейскую семью.

– Конечно, – обиделся Жбанков, – евреи всегда первые...

Затем он подошел к стойке:

– Бутылочку водки, естественно... И чего-нибудь легонького, типа на брудершафт...

Мы чокнулись, выпили. Изредка поезд тормозил, Жбан-

ков придерживал бутылку. Потом – вторую.

Наконец он возбудился, порозовел и стал довольно обременителен.

– Дед, – кричал он, – я же работаю с телевиком! Понимаешь, с телевиком! Я художник от природы! А снимаю всякое фуфло. Рожи в объектив не помещаются. Снимал тут одного. Орденов – килограммов на восемь. Блестят, отсвечивают, как против солнца... Замудохался, ты себе не представляешь! А выписали шесть рублей за снимок! Шесть рублей! Сунулись бы к Айвазовскому, мол, рисуй нам бурлаков за шестерик... Я ведь художник...

Был уже первый час. Я с трудом отвел Жбанкова в купе. С величайшим трудом уложил. Протянул ему таблетку аспирина.

– Это яд? – спросил Жбанков и заплакал.

Я лег и повернулся к стене.

Проводник разбудил нас за десять минут до остановки.

– Спите, а мы Ыхью проехали, – недовольно выговорил он.

Жбанков неподвижно и долго смотрел в пространство. Затем сказал:

– Когда проводники собираются вместе, один другому, наверное, говорит: «Все могу простить человеку. Но ежели кто спит, а мы Ыхью проезжаем – век тому не забуду...»

– Поднимайся, – говорю, – нас же будут встречать. Давай хоть рожи умоем.

– Сейчас бы чего-нибудь горячего, – размечтался Жбанков.

Я взял полотенце, достал зубную щетку и мыло. Вытащил бритву.

– Ты куда?

– Барана резать, – отвечаю, – ты же горячего хотел...

Когда я вернулся, Жбанков надевал ботинки. Завел было философский разговор: «Сколько же мы накануне выпили?..» Но я его прервал.

Мы уже подъезжали. За окном рисовался вокзальный пейзаж. Довоенное здание, плоские окна, наполненные светом часы...

Мы вышли на перрон, сырой и темный.

– Что-то я фанфар не слышу, – говорит Жбанков.

Но к нам уже спешил, призывно жестикулируя, высокий, делового облика мужчина.

– Товарищи из редакции? – улыбаясь, поинтересовался он.

Мы назвали свои фамилии.

– Милости прошу.

Около уборной (интересно, почему архитектура вокзальных сортиров так напоминает шедевры Растрелли?) дежурила машина. Рядом топтался коренастый человек в плаще.

– Секретарь райкома Лийвак, – представился он.

Тот, что нас встретил, оказался шофером. Оба говорили почти без акцента. Наверное, происходили из волосовских

эстонцев...

– Первым делом – позавтракать! – объявил Лийвак.

Жбанков заметно оживился.

– Так ведь закрыто, – притворно сказал он.

– Что-нибудь придумаем, – заверил секретарь райкома.

Небольшие эстонские города уютны и приветливы. Ранним утром Пайде казался совершенно вымершим, нарисованным. В сумраке дрожали голубые, неоновые буквы.

– Как доехали? – спросил Лийвак.

– Отлично, – говорю.

– Устали?

– Нисколько.

– Ничего, отдохнете, позавтракаете...

Мы проехали центр с туберкулезной клиникой и желтым зданием райкома. Затем снова оказались в горизонтальном лабиринте тесных пригородных улиц. Два-три крутых поворота, и вот мы уже на шоссе. Слева – лес. Справа – плоский берег и мерцающая гладь воды.

– Куда это мы едем, – шепнул Жбанков, – может, у них там вырезвиловка?

– Подъезжаем, – как бы угадал его мысли Лийвак, – здесь у нас что-то вроде дома отдыха. С ограниченным кругом посетителей. Для гостей...

– Вот я и говорю, – обрадовался Жбанков.

Машина затормозила возле одноэтажной постройки на берегу. Белые дощатые стены, вызывающая оскмину риф-

ленная крыша, гараж... Из трубы, оживляя картину, лениво поднимается дым. От двери к маленькой пристани ведут цементные ступени. У причала, слегка накренившись, белеет лезвие яхты.

– Ну вот, – сказал Лийвак, – знакомьтесь.

На пороге стояла молодая женщина лет тридцати в брезентовой куртке и джинсах. У нее было живое, приветливое, чуть обезьянье лицо, темные глаза и крупные ровные зубы.

– Белла Ткаченко, – представилась она, – второй секретарь райкома комсомола.

Я назвал свою фамилию.

– Фотохудожник Жбанков Михаил, – тихо воскликнул Жбанков и щелкнул стоптанными каблуками.

– Белла Константиновна – ваша хозяйка, – ласково проговорил Лийвак, – тут и отдохнете... Две спальни, кабинет, финская баня, гостиная... Есть спортивный инвентарь, небольшая библиотека... Все предусмотрено, сами увидите...

Затем он что-то сказал по-эстонски.

Белла кивнула и позвала:

– Эви, туле синне!

Тотчас появилась раскрасневшаяся, совсем молодая девчонка в майке и шортах. Руки ее были в золе.

– Эви Саксон, – представил ее Лийвак, – корреспондент районной молодежной газеты.

Эви убрала руки за спину.

– Не буду вам мешать, – улыбнулся секретарь. – Программа в целом такова. Отдохнете, позавтракаете. К трем жду в райкоме. Отмечу ваши командировки. Познакомитесь с героиней. Дадим вам необходимые сведения. К утру материал должен быть готов. А сейчас, прошу меня извинить, дела...

Секретарь райкома бодро сбежал по крыльцу. Через секунду заработал мотор.

Возникла неловкая пауза.

– Проходите, что же вы? – спохватилась Белла.

Мы зашли в гостиную. Напротив окна мерцал камин, украшенный зеленой фаянсовой плиткой. По углам стояли глубокие низкие кресла.

Нас провели в спальню. Две широкие постели были накрыты клетчатыми верблюжьими одеялами. На тумбочке горел массивный багровый шандал, озаряя потолок колеблющимся розовым светом.

– Ваши апартаменты, – сказала Белла. – Через двадцать минут приходите завтракать.

Жбанков осторожно присел на кровать. Почему-то снял ботинки. Заговорил с испугом:

– Серж, куда это мы попали?

– А что? Просто идем в гору.

– В каком смысле?

– Получили ответственное задание.

– Ты обратил внимание, какие девки? Потрясающие девки! Я таких даже в ГУМе не видел. Тебе какая больше нра-

вится?

– Обе ничего...

– А может, это провокация?

– То есть?

– Ты ее, понимаешь, хоп...

– Ну.

– А тебя за это дело в ментовку!

– Зачем же сразу – хоп. Отдыхай, беседуй...

– Что значит – беседуй?

– Беседа – это когда разговаривают.

– А-а, – сказал Жбанков.

Он вдруг стал на четвереньки и заглянул под кровать. Затем долго и недоверчиво разглядывал штепсельную розетку.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Микрофон ищу. Тут, натурально, должен быть микрофон. Подслушивающее устройство. Мне знакомый алкаш рассказывал...

– Потом найдешь. Завтракать пора.

Мы наскоро умылись. Жбанков переодел сорочку.

– Как ты думаешь, – спросил он, – выставить полбанки?

– Не спеши, – говорю, – тут, видно, есть. К тому же сегодня надо быть в райкоме.

– Я же не говорю – упиться вдрабадан. Так, на брудершафт...

– Не спеши, – говорю.

– И еще вот что, – попросил Жбанков, – ты слишком ум-

ных разговоров не заводи. Другой раз бухнете с Шаблинским, а потом целый вечер: «Ипостась, ипостась...» Ты уж что-нибудь полегче... Типа – Сергей Есенин, армянское радио...

– Ладно, – говорю, – пошли.

Стол был накрыт в гостиной. Стандартный ассортимент распределителя ЦК: дорогая колбаса, икра, тунец, зефир в шоколаде.

Девушки переоделись в светлые кофточки и модельные туфли.

– Присаживайтесь, – сказала Белла.

Эви взяла поднос:

– Хотите выпить?

– А как же?! – сказал мой друг. – Иначе не по-христиански.

Эви принесла несколько бутылок.

– Коньяк, джин с тоником, вино, – предложила Белла.

Жбанков вдруг напрягся и говорит:

– Пардон, я этот коньяк знаю... Называется КВН... Или НКВД...

– КВВК, – поправила Белла.

– Один черт... Цена шестнадцать двадцать... Уж лучше три бутылки водяры на эту сумму.

– Не волнуйтесь, – успокоила Белла.

А Эви спросила:

– Вы – алкоголик?

– Да, – четко ответил Жбанков, – но в меру...

Я разлил коньяк.

– За встречу, – говорю.

– За приятную встречу, – добавила Белла.

– Поехали, – сказал Жбанков.

Воцарилась тишина, заглушаемая стуком ножей и вилок.

– Расскажите что-нибудь интересное, – попросила Эви.

Жбанков закурил и начал:

– Жизнь, девчата, в сущности – калейдоскоп. Сегодня – одно, завтра – другое. Сегодня – поддаешь, а завтра, глядишь, и копыта отбросил... Помнишь, Серж, какая у нас лажа вышла с трупами?

Белла подалась вперед:

– Расскажите.

– Помер завхоз телестудии – Ильвес. А может, директор, не помню. Ну, помер и помер... И правильно, в общем-то, сделал... Хороним его как положено... Мужики с телестудии приехали. Трансляция идет... Речи, естественно... Начали прощаться. Подхожу к этому самому делу и вижу – не Ильвес... Что я, Ильвеса не знаю?.. Я его сто раз фотографировал. А в гробу лежит посторонний мужик...

– Живой? – спросила Белла.

– Почему живой? Натурально, мертвый, как положено. Только не Ильвес. Оказывается, трупы в морге перепутали...

– Чем же все это кончилось? – спросила Белла.

– Тем и кончилось. Похоронили чужого мужика. Не пре-

рывать же трансляцию. А ночью поменяли гробы... И вообще, какая разница?! Суть одна, только разные... как бы это выразиться?

– Ипостаси, – подсказал я.

Жбанков погрозил мне кулаком.

– Кошмар, – сказала Белла.

– Еще не то бывает, – воодушевился Жбанков, – я расскажу, как один повесился... Только выпьем сначала.

Я разлил остатки коньяка. Эви прикрыла рюмку ладонью:

– Уже пьяная.

– Никаких! – сказал Жбанков.

Девушки тоже закурили. Жбанков дождался тишины и продолжал:

– А как один повесился – это чистая хохма. Мужик по-черному гудел. Жена, естественно, пилит с утра до ночи. И вот он решил повеситься. Не совсем, а фиктивно. Короче – завернуть поганку. Жена пошла на работу. А он подтяжками за люстру уцепился и висит. Слышит – шаги. Жена с работы возвращается. Мужик глаза закатил. Для понта, естественно. А это была не жена. Соседка лет восьмидесяти, по делу. Заходит – висит мужик...

– Ужас, – сказала Белла.

– Старуха железная оказалась. Не то что в обморок... Подошла к мужику, стала карманы шмонать. А ему-то щекотно. Он и засмеялся. Тут старуха – раз и выключилась. И с концами. А он висит. Отцепиться не может. Приходит жена.

Видит – такое дело. Бабка с концами и муж повесивши. Жена берет трубку, звонит: «Вася, у меня дома – тыща и одна ночь... Зато я теперь свободна. Приезжай...» А муж и говорит: «Я ему приеду... Я ему, пидору, глаз выколю...» Тут и жена отключилась. И тоже с концами...

– Ужас, – сказала Белла.

– Еще не такое бывает, – сказал Жбанков, – давайте выпьем!

– Баня готова, – сказала Эви.

– Это что же, раздеваться? – встревоженно спросил Жбанков, поправляя галстук.

– Естественно, – сказала Белла.

– Ногу, – говорю, – можешь отстегнуть.

– Какую ногу?

– Деревянную.

– Что? – закричал Жбанков.

Потом он нагнулся и высоко задрал обе штанины. Его могучие голубоватые икры были стянуты пестрыми немодными резинками.

– Я в футбол до сих пор играю, – не унимался Жбанков. – У нас там пустырь... Малолетки тренируются... Выйдешь, бывало, с похмелюги...

– Баня готова, – сказала Эви.

Мы оказались в предбаннике. На стенах висели экзотические плакаты. Девушки исчезли за ширмой.

– Ну, Серж, понеслась душа в рай! – бормотал Жбанков.

Он разделся быстро, по-солдатски. Остался в просторных сатиновых трусах. На груди его синела пороховая татуировка. Бутылка с рюмкой, женский профиль и червовый туз. А посередине – надпись славянской вязью: «Вот что меня сгубило!»

– Пошли, – говорю.

В тесной, стилизованной под избу коробке было нестерпимо жарко. Термометр показывал девяносто градусов. Раскаленные доски пришлось окатить холодной водой.

На девушках были яркие современные купальники, по две узеньких волнующих тряпицы.

– Правила знаете? – улыбнулась Белла. – Металлические вещи нужно снять. Может быть ожог...

– Какие вещи? – спросил Жбанков.

– Шпильки, заколки, булавки...

– А зубы? – спросил Жбанков.

– Зубы можно оставить, – улыбнулась Белла и добавила: – Расскажите еще что-нибудь.

– Это – в момент. Я расскажу, как один свадьбу в дерьме утопил...

Девушки испуганно притихли.

– Дружок мой на ассенизационном грузовике работал. Выгребал это самое дело. И была у него подруга, шибко грамотная. «Запах, – говорит, – от тебя нехороший». А он-то что может поделать? «Зато, – говорит, – платят нормально». – «Шел бы в такси», – она ему говорит. «А какие там

заработки? С воробыный пуп?»... Год проходит. Нашла она себе друга. Без запаха. А моему дружку говорит: «Все. Разлюбила. Кранты...» Он, конечно, переживает. А у тех – свадьба. Наняли общественную столовую, пьют, гуляют... Дело к ночи... Тут мой дружок разворачивается на своем говновозе, пардон... Форточку открыл, шланг туда засунул и врубил насос... А у него в цистерне тонны четыре этого самого добра... Гостям в аккурат по колено. Шум, крики, вот тебе и «Горько!»... Милиция приехала... Общественную столовую активировать пришлось. А дружок мой получил законный семерик... Такие дела...

Девушки сидели притихшие и несколько обескураженные. Я невыносимо страдал от жары. Жбанков пребывал на вершине блаженства.

Мне все это стало надоедать. Алкоголь постепенно испарился. Я заметил, что Эви поглядывает на меня. Не то с испугом, не то с уважением. Жбанков что-то горячо шептал Белле Константиновне.

- Давно в газете? – спрашиваю.
- Давно, – сказала Эви, – четыре месяца.
- Нравится?
- Да, очень нравится.
- А раньше?
- Что?
- Где ты до этого работала?
- Я не работала. Училась в школе.

У нее был детский рот и пушистая челка. Высказывалась она поспешно, добросовестно, слегка задыхаясь. Говорила с шершавым эстонским акцентом. Иногда чуть коверкала русские слова.

– Чего тебя в газету потянуло?

– А что?

– Много врать приходится.

– Нет. Я делаю корректуру. Сама еще не пишу. Писала статью, говорят – нехорошо...

– О чем?

– О сексе.

– О чем?!

– О сексе. Это важная тема. Надо специальные журналы и книги. Люди все равно делают секс, только много неправильное...

– А ты знаешь, как правильно?

– Да. Я ходила замуж.

– Где же твой муж?

– Утонул. Выпил коньяк и утонул. Он изучался в Тарту по химии.

– Прости, – говорю.

– Я читала много твои статьи. Очень много смешное. И очень часто многоточки... Сплошные многоточки... Я бы хотела работать в Таллине. Здесь очень маленькая газета...

– Это еще впереди.

– Я знаю, что ты сказал про газету. Многие пишут не то

самое, что есть. Я так не люблю.

– А что ты любишь?

– Я люблю стихи, люблю «Битлз»... Сказать, что еще?

– Скажи.

– Я немного люблю тебя.

Мне показалось, что я ослышался. Чересчур это было неожиданно. Вот уж не думал, что меня так легко смутить...

– Ты очень красивый!

– В каком смысле?

– Ты – копия Омар Шариф.

– Кто такой Омар Шариф?

– О, Шариф! Это – прима!..

Жбанков неожиданно встал. Потянул на себя дверь. Неуклюже и стремительно ринулся по цементной лестнице к воде. На секунду замер. Взмахнул руками. Произвел звериный, неприличный вопль и рухнул...

Поднялся фонтан муаровых брызг. Со дна потревоженной реки всплыли какие-то банки, коряги и мусор.

Секунды три его не было видно. Затем вынырнула черная непутевая голова с безумными, как у месячного щенка, глазами. Жбанков, шатаясь, выбрался на берег. Его худые чресла были скульптурно облеплены длинными армейскими трусами.

Дважды обежав вокруг коттеджа с песней «Любо, братцы, любо!», Жбанков уселся на полку и закурил.

– Ну как? – спросила Белла.

– Нормально, – ответил фотограф, гулко хлопнув себя резинкой по животу.

– А вы? – спросила Белла, обращаясь ко мне.

– Предпочитаю душ.

В соседнем помещении имелась душевая кабина. Я умылся и стал одеваться.

«Семнадцатилетняя провинциальная дурочка, – твердил я, – выпила три рюмки коньяка и ошалела...»

Я пошел в гостиную, налил себе джина с тоником.

Снаружи доносились крики и плеск воды.

Скоро появилась Эви, раскрасневшаяся, в мокром купальнике.

– Ты злой на меня?

– Нисколько.

– Я вижу... Дай я тебя поцелую...

Тут я снова растерялся. И это при моем жизненном опыте...

– Нехорошую игру ты затеяла, – говорю.

– Я тебя не обманываю.

– Но мы завтра уезжаем.

– Ты будешь снова приходить...

Я шагнул к ней. Попробуйте оставаться благоразумным, если рядом семнадцатилетняя девчонка, которая только что вылезла из моря. Вернее, из реки...

– Ну, что ты? Что ты? – спрашиваю.

– Так всегда целуется Джуди Гарланд, – сказала Эви. – И

еще она делает так...

Поразительно устроен человек! Или я один такой?! Знаешь, что вранье, примитивное райкомовское вранье, и липа, да еще с голливудским налетом, – все знаешь и счастлив как мальчишка...

У Эви были острые лопатки, а позвоночник из холодных морских камешков... Она тихо вскрикивала и дрожала... Хрупкая пестрая бабочка в неплотно сжатом кулаке...

Тут раздалось оглушительное:

– Пардон!

В дверях маячил Жбанков. Я отпустил Эви.

Он поставил на стол бутылку водки. Очевидно, пустил в ход свой резерв.

– Уже первый час, – сказал я, – нас ждут в райкоме.

– Какой ты сознательный, – усмехнулся Жбанков.

Эви пошла одеваться. Белла Константиновна тоже переоделась. Теперь на ней был строгий, отчетно-перевыборный костюмчик.

И тут я подумал: ох, если бы не этот райком, не эта взбесившаяся корова!.. Жить бы тут, и никаких ответственных заданий... Яхта, речка, молодые барышни... Пусть лгут, кокетничают, изображают уцененных голливудских звезд... Какое это счастье – женское притворство!.. Да, может, я ради таких вещей на свет произошел!.. Мне тридцать четыре года, и ни одного, ни единого беззаботного дня... Хотя бы день пожить без мыслей, без забот и без тоски... Нет, собирайся

в райком... Это где часы, портреты, коридоры, бесконечная игра в серьезность...

– Люди! У меня открылось второе дыхание! – заявил Жбанков.

Я разлил водку. Себе – полный фужер. Эви коснулась моего рукава:

– Теперь не выпей... Потом...

– А, ладно!

– Тебя ждет Лийвак.

– Все будет хорошо.

– Что значит – будет? – рассердился Жбанков. – Все уже хорошо! У меня открылось второе дыхание! Поехали!

Белла включила приемник. Низкий баритон выкрикивал что-то мучительно актуальное:

Истины нет в этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись...

Есть только свет между прошлым и будущим,

Именно он называется – жизнь!

Мы пили снова и снова. Эви сидела на полу возле моего кресла. Жбанков разглагольствовал, то и дело отлучаясь в уборную. Каждый раз он изысканно вопрошал: «Могу ли я ознакомиться с планировкой?» Неизменно добавляя: «В смысле – отлить...»

И вдруг я понял, что упустил момент, когда нужно было остановиться. Появились обманчивая легкость и кураж. Воз-

никло ощущение силы и безнаказанности.

– В гробу я видел этот райком! Мишка, наливай!

Тут инициативу взяла Белла Константиновна:

– Мальчики, отделаемся, а потом... Я вызову машину.

И ушла звонить по телефону.

Я сунул голову под кран. Эви вытащила пудреницу и говорит:

– Не можно смотреть.

Через двадцать минут наше такси подъехало к зданию райкома. Жбанков всю дорогу пел:

Не хочу с тобою говорить,

Не пори ты, Маня, ахинею...

Лучше я уйду к ребятам пить,

Эх, у ребят есть мысли поважнее...

Вероятно, таинственная Маня олицетворяла райком и партийные сферы...

Эви гладила мою руку и шептала с акцентом волнующие непристойности. Белла Константиновна выглядела строго.

Она повела нас широкими райкомовскими коридорами. С ней то и дело здоровались.

На первом этаже возвышался бронзовый Ленин. На втором – тоже бронзовый Ленин, поменьше. На третьем – Карл Маркс с похоронным венком бороды.

– Интересно, кто на четвертом дежурит? – спросил, ухмыляясь, Жбанков.

Там снова оказался Ленин, но уже из гипса...

– Подождите минутку, – сказала Белла Константиновна.

Мы сели. Жбанков погрузился в глубокое кресло. Ноги его в изношенных скороходовских ботинках достигали центра приемной залы. Эви несколько умерила свой пыл. Уж чересчур ее призывы шли вразрез с материалами наглядной агитации.

Белла приоткрыла дверь:

– Заходите.

Лийвак говорил по телефону. Свободная рука его призывно и ободряюще жестикулировала.

Наконец он повесил трубку.

– Отдохнули?

– Лично я – да, – веско сказал Жбанков. – У меня открылось второе дыхание...

– Вот и отлично. Поедете на ферму.

– Это еще зачем?! – воскликнул Жбанков. – Ах да...

– Вот данные относительно Линды Пейпс... Трудовые показатели... Краткая биография... Свидетельства о поощрениях... Где ваши командировочные? Штампы поставите внизу... Теперь, если вечер свободный, можно куда-то пойти... Драмтеатр, правда на эстонском языке, Сад отдыха... В «Интуристе» бар до часу ночи... Белла Константиновна, организуйте товарищам маленькую экскурсию...

– Можно откровенно? – Жбанков поднял руку.

– Прошу вас, – кивнул Лийвак.

– Здесь же все свои.

– Ну, разумеется.

– Так уж я начистоту, по-флотски?

– Слушаю.

Жбанков шагнул вперед, конспиративно понизил голос:

– Вот бы на кир перевести!

– То есть? – не понял Лийвак.

– Вот бы, говорю, на кир перевести!

Лийвак растерянно поглядел на меня. Я потянул Жбанкова за рукав. Тот шагнул в сторону и продолжал:

– В смысле – энное количество водяры вместо драмтеатра! Я, конечно, дико извиняюсь...

Изумленный Лийвак повернулся к Белле. Белла Константиновна резко отчеканила:

– Товарищ Жбанков и товарищ Довлатов обеспечены всем необходимым.

– Очень много вина, – простодушно добавила Эви.

– Что значит – много?! – возразил Жбанков. – Много – понятие относительное.

– Белла Константиновна, позаботьтесь, – распорядился секретарь.

– Вот это – по-флотски, – обрадовался Жбанков, – это – по-нашему!

Я решил вмешаться.

– Все ясно, – говорю, – данные у меня. Товарищ Жбанков сделает фотографии. Материал будет готов к десяти часам

утра.

– Учтите, письмо должно быть личным...

Я кивнул.

– Но при этом его будет читать вся страна.

Я снова кивнул.

– Это должен быть рапорт...

Я кивнул в третий раз.

– Но рапорт самому близкому человеку...

Еще один кивок. Лийвак стоял рядом, я боялся обдать его винными парами. Кажется, все-таки обдал...

– И не увлекайтесь, товарищи, – попросил он, – не увлекайтесь. Дело очень серьезное. Так что в меру...

– Хотите, я вас с Довлатовым запечатлею? – неожиданно предложил Жбанков. – Мужики вы оба колоритные...

– Если можно, в следующий раз, – нетерпеливо отозвался Лийвак, – мы же завтра увидимся.

– Ладно, – согласился Жбанков, – тогда я вас запечатлею в более приличной обстановке...

Лийвак промолчал...

...Внизу нас ждала машина с утренним шофером.

– На ферму заедем, и все, – сказала Белла.

– Далеко это? – спрашиваю.

– Минут десять, – ответил шофер, – тут все близко.

– Хорошо бы по дороге врезку сделать, – шепнул Жбанков, – горячее на исходе.

И затем, обращаясь к водителю:

– Шеф, тормозни возле первого гастронома. Да смотри не продай!

– Мне-то какое дело, – обиделся шофер, – я сам вчера того.

– Так, может, за компанию?

– Я на работе... У меня дома приготовлено...

– Ладно. Дело хозяйское. Емкость у тебя найдется?

– А как же?!

Машина остановилась возле сельмага. У прилавка толпился народ. Жбанков, вытянув кулак с шестью рублями, энергично прокладывал себе дорогу.

– На самолет опаздываю, мужики... Такси, понимаешь, ждет... Ребенок болен... Жена, сука, рожает...

Через минуту он выплыл с двумя бутылками кагора.

Водитель протянул ему мутный стакан.

– Ну, за все о'кей!

– Наливай, – говорю, – и мне. Чего уж там!

– А кто будет фотографировать? – спросила Эви.

– Мишка все сделает. Работник он хороший.

И действительно, работал Жбанков превосходно. Сколько бы ни выпил. Хотя аппаратура у него была самая примитивная. Фотокорам раздали японские камеры, стоимостью чуть ли не пять тысяч. Жбанкову японской камеры не досталось. «Все равно пропьет», – заявил редактор. Жбанков фотографировал аппаратом «Смена» за девять рублей. Носил его в кармане, футляр был потерян. Проявитель использо-

вал неделями. В нем плавали окурки. Фотографии же выходили четкие, непринужденные, по-газетному контрастные. Видно, было у него какое-то особое дарование...

Наконец мы подъехали к зданию дирекции, увешанному бесчисленными стендами. Над воротами алел транспарант: «Кость – ценное промышленное сырье!» У крыльца толпилось несколько человек. Водитель что-то спросил по-эстонски. Нам показали дорогу...

Коровник представлял собой довольно унылое низкое здание. Над входом горела пыльная лампочка, освещающая загаженные ступени.

Белла Константиновна, Жбанков и я вышли из машины. Водитель курил. Эви дремала на заднем сиденье.

Неожиданно появился хромой человек с кожаной офицерской сумкой.

– Главный агроном Савкин, – назвался он, – проходите.

Мы вошли. За дощатыми перегородками топтались коровы. Позвякивали колокольчики, раздавались тягостные вздохи и уютный шорох сена. Вялые животные томно оглядывали нас.

...Есть что-то жалкое в корове, приниженное и отталкивающее. В ее покорной безотказности, обжорстве и равнодушии. Хотя, казалось бы, и габариты, и рога... Обыкновенная курица и та выглядит более независимо. А эта – чемодан, набитый говядиной и отрубями... Впрочем, я их совсем не знаю...

– Проходите, проходите...

Мы оказались в тесной комнатке. Пахло кислым молоком и навозом. Стол был покрыт голубой клеенкой. На перекрученном шнуре свисала лампа. Вдоль стен желтели фанерные ящики для одежды. В углу поблескивал доильный агрегат.

Навстречу поднялась средних лет женщина в зеленой кофте. На полой груди ее мерцали ордена и значки.

– Линда Пейпс! – воскликнул Савкин.

Мы поздоровались.

– Я ухажу, – сказал главный агроном, – если что, звоните по местному – два, два, шесть...

Мы с трудом разместились. Жбанков достал из кармана фотоаппарат.

Линда Пейпс казалась немного растерянной.

– Она говорит только по-эстонски, – сказала Белла.

– Это неважно.

– Я переведу.

– Спроси ее чего-нибудь для понта, – шепнул мне Жбанков.

– Вот ты и спроси, – говорю.

Жбанков наклонился к Линде Пейпс и мрачно спросил:

– Который час?

– Переведите, – оттеснил я его, – как Линда добилась таких высоких результатов?

Белла перевела.

Доярка что-то испуганно прошептала.

– Записывайте, – сказала Белла. – Коммунистическая партия и ее ленинский Центральный Комитет...

– Все ясно, – говорю, – узнайте, состоит ли она в партии?

– Состоит, – ответила Белла.

– Давно?

– Со вчерашнего дня.

– Момент, – сказал Жбанков, наводя фотоаппарат.

Линда замерла, устремив глаза в пространство.

– Порядок, – сказал Жбанков, – шестерик в кармане.

– А корова? – удивилась Белла.

– Что – корова?

– По-моему, их нужно сфотографировать рядом.

– Корова здесь не поместится, – разъяснил Жбанков, – а там освещение хреновое.

– Как же быть?

Жбанков засунул аппарат в карман.

– Коров в редакции навалом, – сказал он.

– То есть? – удивилась Белла.

– Я говорю, в архиве коров сколько угодно. Вырежу твою Линду и подклею.

Я тронул Беллу за рукав:

– Узнайте, семья большая?

Она заговорила по-эстонски. Через минуту перевела:

– Семья большая, трое детей. Старшая дочь кончает школу. Младшему сыну – четыре годика.

– А муж? – спрашиваю.

Белла понизила голос:

– Не записывайте... Муж их бросил.

– Наш человек! – почему-то обрадовался Жбанков.

– Ладно, – говорю, – пошли...

Мы попрощались. Линда проводила нас чуточку разочарованным взглядом. Ее старательно уложенные волосы поблескивали от лака.

Мы вышли на улицу. Шофер успел развернуться. Эви в замшевой курточке стояла у радиатора.

Жбанков вдруг слегка помешался.

– Кыйк, – заорал он по-эстонски, – все! Вперед, товарищи! К новым рубежам! К новым свершениям!

Через полчаса мы были у реки. Шофер сдержанно простился и уехал. Белла Константиновна подписала его наряд.

Вечер был теплый и ясный. За рекой багровел меркнувший край неба. На воде дрожали розовые блики.

В дом идти не хотелось. Мы спустились на пристань. Некоторое время молчали. Затем Эви спросила меня:

– Почему ты ехал в Эстонию?

Что я мог ответить? Объяснить, что нет у меня дома, родины, пристанища, жилья?.. Что я всегда искал эту тихую пристань?.. Что я прошу у жизни одного – сидеть вот так, молчать, не думать?..

– Снабжение, – говорю, – у вас хорошее. Ночные бары...

– А вы? – Белла повернулась к Жбанкову...

– Я тут воевал, – сказал Жбанков, – ну и остался... Коро-

че – оккупант...

– Сколько же вам лет?

– Не так уж много, сорок пять. Я самый конец войны застал, мальчишкой. Был вестовым у полковника Адера... Ранено меня...

– Расскажите, – попросила Белла, – вы так хорошо рассказываете.

– Что тут рассказывать? Долбануло осколком, и вся любовь... Ну что, пошли?

В доме зазвонил телефон.

– Минутку, – воскликнула Белла, на ходу доставая ключи.

Она скоро вернулась.

– Юхан Оскарович просит вас к телефону.

– Кто? – спрашиваю.

– Лийвак...

Мы зашли в дом. Щелкнул выключатель – окна стали темными. Я поднял трубку.

– Мы получили ответ, – сказал Лийвак.

– От кого? – не понял я.

– От товарища Брежнева.

– То есть как? Ведь письмо еще не отправлено.

– Ну и что? Значит, референты Брежнева чуточку оперативнее вас... нас, – деликатно поправился Лийвак.

– Что же пишет товарищ Брежнев?

– Поздравляет... Благодарит за достигнутые успехи... Желает личного счастья...

– Как быть? – спрашиваю. – Рапорт писать или нет?

– Обязательно. Это же документ. Надеюсь, канцелярия товарища Брежнева оформит его задним числом.

– Все будет готово к утру.

– Жду вас...

...Девушки принялись возрождать закуску. Жбанков и я уединились в спальне.

– Мишка, – говорю, – у тебя нет ощущения, что все это происходит с другими людьми... Что это не ты... И не я... Что это какой-то идиотский спектакль... А ты просто зритель...

– Знаешь, что я тебе скажу, – отозвался Жбанков, – не думай. Не думай, и все. Я уже лет пятнадцать не думаю. А будешь думать – жить не захочется. Все, кто думает, несчастные...

– А ты счастливый?

– Я-то? Да я хоть сейчас в петлю! Я боли страшусь в последнюю минуту. Вот если бы заснуть и не проснуться...

– Что же делать?

– Вдруг это такая боль, что и перенести нельзя...

– Что же делать?

– Не думать. Водку пить.

Жбанков достал бутылку.

– Я, кажется, напьюсь, – говорю.

– А то нет! – подмигнул Жбанков. – Хочешь из горла?

– Там же есть стакан.

– Кайф не тот.

Мы по очереди выпили. Закусить было нечем. Я с удовольствием ощущал, как надвигается пьяный дурман. Контуры жизни становились менее отчетливыми и резкими...

Чтобы воспроизвести дальнейшие события, требуется известное напряжение.

Помню, была восстановлена дефицитная райкомовская закуска. Впрочем, появилась кабачковая икра – свидетельство упадка. Да и выпивка пошла разрядом ниже – заветная Мишкина бутылка, югославская «Сливовица», кагор...

На десятой минуте Жбанков закричал, угрожающе приподнимаясь:

– Я художник, понял! Художник! Я жену Хрущева фотографировал! самого Жискара, блядь, д'Эстена! У меня при доме инвалидов выставка была! А ты говоришь – корова!..

– Дурень ты мой, дурень, – любовалась им Белла, – пойдем, киса, я тебя спать уложу...

– Ты очень грустный, – сказала мне Эви, – что-нибудь есть плохое?

– Все, – говорю, – прекрасно! Нормальная собачья жизнь...

– Надо меньше думать. Радоваться то хорошее, что есть.

– Вот и Мишка говорит – пей!

– Пей уже хватит. Мы сейчас пойдем. Я буду тебе понравиться...

– Что несложно, – говорю.

– Ты очень красивый.

– Старая песня, а как хорошо звучит!

Я налил себе полный фужер. Нужно ведь как-то закончить этот идиотский день. Сколько их еще впереди?..

Эви села на пол возле моего кресла.

– Ты непохожий, как другие, – сказала она. – У тебя хорошая карьера. Ты красивый. Но часто грустный. Почему?

– Потому что жизнь одна, другой не будет.

– Ты не думай. Иногда лучше быть глупым.

– Поздно, – говорю, – лучше выпить.

– Только не будь грустный.

– С этим покончено. Я иду в гору. Получил ответственное задание. Выхожу на просторы большой журналистики...

– У тебя есть машина?

– Ты спроси, есть ли у меня целые носки.

– Я так хочу машину.

– Будет. Разбогатею – купим.

Я выпил и снова налил. Белла тащила Жбанкова в спальню. Ноги его волочились, как два увядших гладиолуса.

– И мы пойдем, – сказала Эви, – ты уже засыпаешь.

– Сейчас.

Я выпил и снова налил.

– Пойдем.

– Вот уеду завтра, найдешь кого-нибудь с машиной.

Эви задумалась, положив голову мне на колени.

– Когда буду снова жениться, только с евреем, – заявила она.

– Это почему же? Думаешь, все евреи – богачи?

– Я тебе объясню. Евреи делают обрезание...

– Ну.

– Остальные не делают.

– Вот сволочи!

– Не смейся. Это важная проблема. Когда нет обрезания, получается смегма...

– Что?

– Смегма. Это нехорошие вещества... канцерогены. Вон там, хочешь, я тебе показываю?

– Нет уж, лучше заочно...

– Когда есть обрезание, смегма не получается. И тогда не бывает рак шейки матки. Знаешь шейку матки?

– Ну, допустим... Ориентировочно...

– Статистика показывает, когда нет обрезания, чаще рак шейки матки. А в Израиле нет совсем...

– Чего?

– Шейки матки... Рак шейки матки... Есть рак горла, рак желудка...

– Тоже не подарок, – говорю.

– Конечно, – согласилась Эви.

Мы помолчали.

– Идем, – сказала она, – ты уже засыпаешь...

– Подожди. Надо обрезание сделать...

Я выпил полный фужер и снова налил.

– Ты очень пьяный, идем...

– Мне надо обрезание сделать. А еще лучше – отрезать эту самую шейку к чертовой матери!

– Ты очень пьяный. И злой на меня.

– Я не злой. Мы – люди разных поколений. Мое поколение – дрянь! А твое – это уже нечто фантастическое!

– Почему ты злой?

– Потому что жизнь одна. Прошла секунда, и конец. Другой не будет...

– Уже час ночи, – сказала Эви.

Я выпил и снова налил. И сразу же куда-то провалился. Возникло ощущение, как будто я – на дне аквариума. Все раскачивалось, уплывало, мерцали какие-то светящиеся блики... Потом все исчезло...

...Проснулся я от стука. Вошел Жбанков. На нем был спортивный халат.

Я лежал поперек кровати. Жбанков сел рядом.

– Ну как? – спросил он.

– Не спрашивай.

– Когда я буду стариком, – объявил Жбанков, – напишу завещание внукам и правнукам. Вернее, инструкцию. Это будет одна-единственная фраза. Знаешь какая?

– Ну?

– Это будет одна-единственная фраза: «Не занимайтесь любовью с похмелья!» И три восклицательных знака.

– Худо мне. Совсем худо.

– И подлечиться нечем. Ты же все и оприходовал.

– А где наши дамы?

– Готовят завтрак. Надо вставать. Лийвак ждет...

Жбанков пошел одеваться. Я сунул голову под кран. Потом сел за машинку. Через пять минут текст был готов.

«Дорогой и многоуважаемый Леонид Ильич! Хочу поделиться радостным событием. В истекшем году мне удалось достичь небывалых трудовых показателей. Я надоила с одной коровы...» («...с одной коровы» я написал умышленно. В этом обороте звучала жизненная достоверность и трогательное крестьянское простодушие).

Конец был такой:

«...И еще одно радостное событие произошло в моей жизни. Коммунисты нашей фермы дружно избрали меня своим членом!»

Тут уже явно хромала стилистика. Переделывать не было сил...

– Завтракать, – позвала Белла.

Эви нарезала хлеб. Я виновато с нею поздоровался. В ответ – радужная улыбка и задушевное: «Как ты себя чувствуешь?»

– Хуже некуда, – говорю.

Жбанков добросовестно исследовал пустые бутылки.

– Ни грамма, – засвидетельствовал он.

– Пейте кофе, – уговаривала Белла, – через минуту садим-

ся в такси.

От кофе легче не стало. О еде невозможно было и думать.

– Какие-то бабки еще шевелятся, – сказал Жбанков, вытаскивая мелочь.

Затем он посмотрел на Беллу Константиновну:

– Мать, добавишь полтора рубля?

Та вынула кошелек.

– Я из Таллина вышлю, – заверил Жбанков.

– Ладно, заработал, – цинично усмехнулась Белла.

Раздался автомобильный гудок.

Мы собрали портфели, уселись в такси. Вскоре Лийвак пожимал нам руки. Текст, составленный мною, одобрил безоговорочно. Более того, произнес короткую речь:

– Я доволен, товарищи. Вы неплохо потрудились, культурно отдохнули. Рад был познакомиться. Надеюсь, эта дружба станет традиционной. Ведь партийный работник и журналист где-то, я бы сказал, – коллеги. Успехов вам на трудном идеологическом фронте. Может, есть вопросы?

– Где тут буфет? – спросил Жбанков. – Маленько подлечиться...

Лийвак нахмурился:

– Простите мне грубое русское выражение...

Он выждал укоризненную паузу.

– ...Но вы поступаете, как дети!

– Что, и пива нельзя? – спросил Жбанков.

– Вас могут увидеть, – понизил голос секретарь, – есть

разные люди... Знаете, какая обстановка в райкоме...

– Ну и работенку ты выбрал, – посочувствовал ему Жбанков.

– Я по образованию – инженер, – неожиданно сказал Лийвак.

Мы помолчали. Стали прощаться. Секретарь уже перебирал какие-то бумаги.

– Машина ждет, – сказал он. – На вокзал я позвоню. Обратитесь в четвертую кассу. Скажите, от меня...

– Чао, – махнул ему рукой Жбанков.

Мы спустились вниз. Сели в машину. Бронзовый Ленин смотрел нам вслед. Девушки поехали с нами...

На перроне Жбанков и Белла отошли в сторону.

– Ты будешь приходить еще? – спросила Эви.

– Конечно.

– И я буду ехать в Таллин. Позвоню в редакцию. Чтобы не рассердилась твоя жена.

– Нет у меня жены, – говорю, – прощай, Эви. Не сердись, пожалуйста...

– Не пей так много, – сказала Эви.

Я кивнул.

– А то не можешь делать секс.

Я шагнул к ней, обнял и поцеловал. К нам приближались Белла и Жбанков. По его жестикуляции было видно, что он нахально лжет.

Мы поднялись в купе. Девушки шли к машине, оживлен-

но беседа. Так и не обернулись...

– В Таллине опохмелимся, – сказал Жбанков, – есть около шести рублей. А хочешь, я тебе приятную вещь скажу?

Жбанков подмигнул мне. Радостная, торжествующая улыбка преобразила его лицо.

– Сказать? Мне еще Жора семьдесят копеек должен!..

Чья-то смерть

– Товарищ Довлатов, у вас имеется черный костюм?

Редактор недовольно хмурит брови. Ему неприятно задавать такой ущербный вопрос сотруднику республиканской партийной газеты. У редактора бежевое младенческое лицо, широкая поясница и детская фамилия – Туронок.

– Нет, – сказал я, – у меня джемпер.

– Не сию минуту, а дома.

– У меня вообще нет костюма, – говорю.

Я мог объяснить, что и дома-то нет, пристанища, жилья. Что я снимаю комнату бог знает где...

– Как же вы посещаете театр?

Я мог бы сказать, что не посещаю театра. Но в газете только что появилась моя рецензия на спектакль «Бесприданница». Я написал ее со слов Димы Шера. Рецензию хвалили за полемичность...

– Впрочем, давайте говорить по существу, – устал редактор, – скончался Ильвес.

В силу гнусной привычки ко лжи я изобразил уныние.

– Вы знали его? – спросил редактор.

– Нет, – говорю.

– Ильвес был директором телестудии. Похороны его – серьезное мероприятие. Надеюсь, это ясно?

– Да.

– Должен присутствовать человек от нашей редакции. Мы собирались послать Шаблинского.

– Правильно, – говорю, – Мишка у них без конца халтурит.

Редактор поморщился:

– Михаил Борисович занят. Едет в командировку на остров Сааремаа. Кленский отпадает. Тут нужен человек с представительной внешностью. У Буша запой, и так далее. Остановились на вашей кандидатуре. Умоляю, не подведите. Нужно будет произнести короткую теплую речь. Необходимо, чтобы... В общем, держитесь так, будто хорошо знали покойного...

– Разве у меня представительная внешность?

– Вы рослый, – снизошел Туренок, – мы посоветовались с Клюхиной.

А, думаю, Галочка, впрочем, ладно...

– Генрих Францевич, – сказал я, – мне это не нравится. Отдает мистификацией. Ильвеса я не знал. Фальшиво скорбеть не желаю. Направьте Шаблинского. А я, так и быть, поеду на Сааремаа.

– Это исключено. Вы не создаете проблемных материалов.

– Не поручают, я и не создаю.

– Вам поручили корреспонденцию о немцах, вы отказались.

– Я считаю, их нужно отпустить.

– Вы наивный человек. Мягко говоря.

– А что? В Союзе немцев больше, чем армян. Но они даже автономии лишены.

– Да какие они немцы?! Это третье поколение колонистов. Они давно в эстонцев превратились. Язык, культура, образ мыслей... Типичные эстонцы. Отцы и деды в Эстонии жили...

– Дед Бори Ройблата тоже жил в Эстонии. И отец жил в Эстонии. Но Боря так и остался евреем. И ходит без работы...

– Знаете, Довлатов, с вами невозможно разговаривать. Какие-то демагогические приемы. Мы дали вам работу, пошли навстречу. Думали, вы повзрослеете. Будете держаться немного солиднее...

– Я же работаю, пишу.

– И даже неплохо пишете. Сам Юрна недавно цитировал одну вашу фразу: «...Конструктивная идея затерялась в хаосе безответственного эксперимента...» Речь идет о другом. Ваша аполитичность, ваш инфантилизм... постоянно ждешь от вас какого-нибудь демарша. Вы зарабатываете двести пятьдесят рублей. К вам хорошо относятся, ценят ваш юмор, ваш стиль. Где отдача, спрашивается? Почему я должен тратить время на эти бесплодные разговоры? Я настоятельно прошу вас заменить Шаблинского. Он временно дает вам свой пиджак. Примерьте. Там, на вешалке...

Я примерил.

– Ну и лацканы, – говорю, – сюда бы орден Красного Зна-

мени...

– Все, – прервал меня редактор, – идите.

Я ненавижу кладбищенские церемонии. Не потому, что кто-то умер, ведь близких хоронить мне не доводилось. А к посторонним я равнодушен. И все-таки ненавижу похороны. На фоне чьей-то смерти любое движение кажется безнравственным. Я ненавижу похороны за ощущение красивой убедительной скорби. За слезы чужих, посторонних людей. За подавляемое чувство радости: «Умер не ты, а другой». За тайное беспокойство относительно предстоящей выпивки. За неумеренные комплименты в адрес покойного. (Мне всегда хотелось крикнуть: «Ему наплевать. Будьте снисходительнее к живым. То есть ко мне, например».)

И вот я должен, заменив Шаблинского, участвовать в похоронных торжествах, скорбеть и лицемерить. Звоню на телестудию:

– Кто занимается похоронами?

– Сам Ильвес.

Я чуть не упал со стула.

– Рандо Ильвес, сын покойного. И организационная комиссия.

– Как туда позвонить? Записываю... Спасибо.

Звоню. Отвечают с прибалтийским акцентом:

– Вы родственник покойного?

– Коллега.

– Сотрудничаете на телевидении?

– Да.

– Ваша фамилия – Шаблинский?

«Да», – чуть не сказал я.

– Шаблинский в командировке. Мне поручено его заменить.

– Ждем вас. Третий этаж, комната двенадцать.

– Еду.

В двенадцатой комнате толпились люди с повязками на рукавах. Знакомых я не встретил. Пиджак Шаблинского, хранивший его очертания, теснил и сковывал меня. Я чувствовал себя неловко, прямодохлый кит в бассейне. Лошадь в собачьей конуре.

Я помедлил, записывая эти метафоры.

Женщина за столом окликнула меня:

– Вы Шаблинский?

– Нет.

– От «Советской Эстонии» должен быть Шаблинский.

– Он в командировке. Мне поручили его заменить.

– Ясно. Текст выступления готов?

– Текст? Я думал, это будет... взволнованная импровизация.

– Есть положение... Текст необходимо согласовать.

– Могу я представить его завтра?

– Не трудитесь. Вот текст, подготовленный Шаблинским.

– Чудно, – говорю, – спасибо.

Мне вручили два листка папиросной бумаги. Читаю:

«Товарищи! Как я завидую Ильвесу! Да, да, не удивляйтесь. Чувство белой зависти охватывает меня. Какая содержательная жизнь! Какие внушительные итоги! Какая завидная слава мечтателя и борца!...»

Дальше шло перечисление заслуг, и наконец – финал:

«...Спи, Хуберт Ильвес! Ты редко высыпался. Спи!...»

О том, чтобы произнести все это, не могло быть и речи. На бумаге я пишу все, что угодно. Но вслух, перед людьми...

Обратился к женщине за столом:

– Мне бы хотелось внести что-то свое... Чутьочку изменить... Я не столь эмоционален...

– Придется сохранить основу. Есть виза...

– Разумеется.

– Данные перепишите.

Я переписал.

– Отсебятины быть не должно.

– Знаете, – говорю, – уж лучше отсебятина, чем отъеготина.

– Как? – спросила женщина.

– Ладно, – говорю, – все будет нормально.

Теперь несколько слов о Шаблинском. Его отец был репрессирован. Дядя, профессор, упоминается в знаменитых мемуарах. Чуть ли не единственный, о ком говорится с симпатией.

Миша рос в унылом лагерном поселке. Арифметику и русский ему преподавали корифеи советской науки... в буш-

латах. Так складывались его жизненные представления. Он вырос прочным и толковым. Словам не верил, действовал решительно. Много читал. В нем уживались интерес к поэзии и любовь к технике. Не имея диплома, он работал конструктором. Поступил в университет. Стал промышленным журналистом. Гибрид поэзии и техники – отныне его сфера.

Он был готов на все ради достижения цели. Пользовался любыми средствами. Цель представлялась все туманнее. Жизнь превратилась в достижение средств. Альтернатива добра и зла переродилась в альтернативу успеха и неудачи. Активная жизнедеятельность затормозила нравственный рост. Когда нас познакомили, это был типичный журналист с его раздвоенностью и цинизмом. О журналистах замечательно высказался Форд: «Честный газетчик продается один раз». Тем не менее я считаю это высказывание идеалистическим. В журналистике есть скупочные пункты, комиссионные магазины и даже барахолка. То есть перепродажа идет всюю.

Есть жизнь, прекрасная, мучительная, исполненная трагизма. И есть работа, которая хорошо оплачивается. Работа по созданию иной, более четкой, лишенной трагизма, гармонической жизни. На бумаге.

Сидит журналист и пишет: «Шел грозовой девятнадцатый...»

Оторвался на минуту и кричит своей постылой жене: «Гарик Лернер обещал мне сделать три банки растворимого ко-

фе...»

Жена из кухни: «Как, Лернера еще не посадили?»

Но перо уже скользит дальше. Допустим: «...Еще одна тайна вырвана у природы...» Или там: «...В Нью-Йорке левкои не пахнут...»

В жизни газетчика есть все, чем прекрасна жизнь любого достойного мужчины.

Искренность? Газетчик искренне говорит не то, что думает.

Творчество? Газетчик без конца творит, выдавая желаемое за действительное.

Любовь? Газетчик нежно любит то, что не стоит любви.

Впрочем, мы отвлеклись.

С телевидения я поехал к Марине. Целый год между нами происходило что-то вроде интеллектуальной близости. С оттенком вражды и разврата.

Марина трудилась в секретариате нашей газеты. До и после работы ею владели скептицизм и грубоватая прямота тридцатилетней незамужней женщины.

Когда-то она была подругой Шаблинского. Как и все остальные сотрудницы нашей редакции. Все они без исключения рано или поздно уступали его домогательствам. Секрет такого успеха был мне долгое время неясен. Затем я понял, в чем дело. Шаблинский убивал недвусмысленностью своих посягательств. Объявил, например, практикантке из Литвы, с которой был едва знаком:

– Я вас люблю. И даже возможный триппер меня не оставит.

Как-то говорю ему:

– Мишка, я не ханжа. Но у тебя четыре дамы. Скоро Новый год. Не можешь же ты пригласить всех четверых.

– Почему? – спросил Шаблинский.

– Будет скандал.

– Не исключено, – задумался он.

– Так как же?

Шаблинский подумал, вздохнул и сказал:

– Если бы ты знал, какая это серьезная проблема...

С Мариной он расстался потому, что задумал жениться. Марина в жены не годилась. Было ей, повторяю, около тридцати, курящая и много знает. Мишу интересовал традиционный еврейский брачный вариант. Чистая девушка с хозяйственными наклонностями. Кто-то его познакомил. Действительно, милая Розочка, с усиками. Читает, разбирается. Торговый папа...

Роза хлопала глазами, повторяя:

– Ой, как я буду замужем?! У меня ж опыта нет...

– Чего нет? – хохотал Шаблинский...

А Марину бросил. И тут подвернулся я. Задумчивый, вежливый, честный. И она меня как бы увидела впервые. Впервые оценила.

Есть в моих добродетелях интересное свойство. Они расцветают и становятся заметными лишь на фоне какого-ни-

будь безобразия. Вот меня и любят покинутые дамы.

Сначала она все про Шаблинского говорила:

– Ты знаешь, он ведь по-своему любил меня. Как-то я его упрекнула: «Не любишь». Что, ты думаешь, он сделал? Взял мою одежду, сумочку и повесил...

– Куда? – спрашиваю.

– Какой ты... Это было ночью. Полный интим. Я говорю: «Не любишь!» А он взял одежду, сумочку и повесил. На это самое. Чтобы доказать, какой он сильный. И как меня любит...

Итак, с телевидения еду к Марине. Дом ее в районе новостроек заселен коллегами-газетчиками. Выйдешь из троллейбуса – пустырь, громадный дом, и в каждом окне – сослуживец.

Поднялся на четвертый этаж, звоню. И тут вспоминаю, что на мне пиджак Шаблинского. Распахнулась дверь. Марина глядит на меня с удивлением. Может, подумала, что я Шаблинского (из ревности) зарезал, а клифт его – украл...

(У женщин на одежду память какая-то сверхъестественная. Моя жена говорила о ком-то: «Да ты его знаешь. Отлично знаешь. Такой несимпатичный, в черных ботинках с коричневыми шнурками».)

У хорошего человека отношения с женщинами всегда складываются трудно. А я человек хороший. Заявляю без тени смущения, потому что гордиться тут нечем. От хорошего человека ждут соответствующего поведения. К нему предъ-

являют высокие требования. Он тащит на себе ежедневный мучительный груз благородства, ума, прилежания, совести, юмора. А затем его бросают ради какого-нибудь отъявленного подонка. И этому подонку рассказывают, смеясь, о нудных добродетелях хорошего человека.

Женщины любят только мерзавцев, это всем известно. Однако быть мерзавцем не каждому дано. У меня был знакомый валютчик Акула. Избивал жену черенком лопаты. Подарил ее шампунь своей возлюбленной. Убил кота. Один раз в жизни приготовил ей бутерброд с сыром. Жена всю ночь рыдала от умиления и нежности. Консервы девять лет в Мордовию посылала. Ждала...

А хороший человек, кому он нужен, спрашивается?..

Итак, я в чужом пиджаке.

– В чем дело? – говорит Марина, усмотрев в этом передевании какое-то сексуальное надругательство. Какую-то оскорбительную взаимозаменяемость чувств...

– Это Мишкин пиджак, – говорю, – на время, для солидности.

– Хочешь сделать мне предложение? (Юмор с примесью желчи.)

– Будь я серьезным человеком – запросто.

– Не пугайся.

– Я должен выступить на похоронах. Ильвес умер.

– Ильвес? С телевидения? Кошмар... Ты ел?

– Не помню. Я Ильвеса в глаза не видел.

– Есть бульон с пирожками и утка.

– Давай. Может, сбегать?

– У меня есть. На донышке...

Знаю я эти культурные дома. Иконы, самовары, Нефертити... Какие-то многозначительные черепки... Уйма книг, и все новенькие... А водки – на донышке. Вечно на донышке. И откуда она берется? Кто-то принес? Не допил? Занялся более важными делами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.